

Мухаммедъ Якубъ бекъ.

Бадаулетъ Якубъ-Бекъ, аталыкъ Кашгарскій.

Якубъ-Бекъ представляется намъ личностью довольно заурядною. Никакого образованія онъ не получилъ, даже не былъ грамотенъ; ни военныхъ, ни административныхъ способностей онъ не обнаружилъ; а хитрость, въ которой никто не отказываетъ Якубъ-Беку, присуща въ большей или меньшей степени всѣмъ азіатамъ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить того особеннаго ума, который принято называть государственнымъ. Но, быть можетъ, спросить: было же что-нибудь особенное въ этомъ человѣкѣ съ предосудительнымъ прошлымъ — предосудительнымъ потому, что и въ Средней Азіи профессія *бачи* сопровождается клеймомъ позора, — когда онъ достигъ положенія государя довольно обширной страны? Не даромъ же у него заискивала могущественная Англія и желала имѣть его въ числѣ своихъ друзей? Отвѣтъ на эти вопросы далъ самъ Якубъ-Бекъ. Онъ лучше всѣхъ сознавалъ, что никакихъ заслугъ за нимъ нѣтъ, что все дѣло заключалось въ счастіи, которое вознесло его на такую высоту, до которой не подымались и люди, ему прежде покровительствовавшіе, и усвоилъ себѣ титулъ Бадаулета — «счастливца».

Возвышеніе лицъ подобнаго рода показываетъ до какой степени упала Средняя Азія и до какого ничтожества дошло ея населеніе. Прослѣдить жизнь среднеазіатскихъ дѣятелей новаго времени полезно и для того, чтобы понять ту среду, которой имъ приходилось управлять.

Якубъ-Бекъ попалъ въ Кашгаръ случайно. Назначеніе его дядькою къ ходжѣ Бузюрку состоялось не потому, что онъ занималъ видное положеніе въ Кокандѣ или чѣмъ либо заявилъ себя въ государственномъ управленіи, а потому, что наиболѣе вліятельныя и дѣятельныя лица были отвлечены въ другую сторону, именно на борьбу съ русскими, побѣдоносно

двигавшимися къ Ташкенту, и послать въ Восточный Туркестанъ просто было некого. Водвориться же тамъ ничего не стоило. И при китайскомъ владычествѣ въ исторіи Алтышара не было примѣра, чтобы тотъ или другой ходжа безъ успѣха пытался отнять у китайцевъ Кашгаръ съ ближайшими къ нему городами, и не владѣлъ бы имъ болѣе или менѣе продолжительное время, такъ какъ туземное населеніе сейчасъ же переходило на сторону ходжей; а въ это время и китайцевъ-то тамъ не было по причинѣ дунганскаго возстанія. Такимъ образомъ все складывалось благопріятно для Якубъ-Бека. Самъ же онъ дѣйствовалъ, можно прямо сказать, не умѣло. Распространить власть ходжей, если не на весь В. Туркестанъ, то на болѣе или менѣе значительную часть его онъ не могъ, пока не получилъ подкрѣпленіе отъ коканцевъ, послѣ паденія Ташкента, да и съ ними не особенно отличился, такъ какъ отступалъ при малѣйшемъ сопротивленіи и на поправленіе дѣла посылалъ своихъ помощниковъ, всегда оказывавшихся далеко способнѣе своего начальника. Съ полнымъ только успѣхомъ этотъ, не по заслугамъ прославленный дядька, изводилъ ходжей, которые съ первыхъ же мѣсяцевъ по переселеніи въ Кашгаръ внезапно стали умирать одинъ за другимъ. Остались въ живыхъ совсѣмъ не опасные, да и то съ удаленіемъ на китайскую границу. Для подобной политики не много ума требуется.

Ни коимъ образомъ нельзя поставить въ заслугу Якубъ-Беку и продолжительность властвованія его въ Восточномъ Туркестанѣ, продолжительность болѣе значительную, чѣмъ у предшественниковъ его, ходжей. Но это опять чистая случайность. Китайцы, занятые усмиреніемъ дунганскаго возстанія, не могли и думать о борьбѣ съ Якубъ-Бекѣмъ, а какъ только справились съ дунганами, сейчасъ же обратили противъ него свое оружіе, и власть его пала такъ-же просто и скоро, какъ скоро и просто возникла, такъ какъ Бадаулетъ, не смотря на англійскія ружья, предназначавшіяся, впрочемъ, не для китайцевъ, за все свое 12-ти лѣтнее управленіе страной не сумѣлъ приготовить къ войнѣ съ китайцами.

И такъ, это величина крайне раздутая, и раздули ее мы, русскіе. У насъ существовало убѣжденіе, что Якубъ-Бекъ въ 1852 г. отбилъ отрядъ Бларамберга, неудачно штурмовавшего Акъ-Мечеть¹⁾. Впослѣдствіи выяснилось, что Якубъ-Бека въ то время въ Акъ-Мечети уже не было.

1) Robert Shaw въ своемъ сочиненіи *Visits to high Tartary, Jarkand, and Kashghar* (London, 1871) на 45-й страницѣ иронически говоритъ: This man had been Governor of Ak-Maajid, on the lower part of the Jaxartes, or Syr Daria. He had repulsed the Russians once, after a defence which they themselves designate as «heroic». Тутъ же Шау упоминаетъ о пяти ранахъ, полученныхъ Якубъ-Бекѣмъ во время борбы съ русскими.

Кашгарскимъ Бадаулетомъ очень интересовались англичане, думая найти въ немъ серьезнаго противника Россіи. Извѣстно, съ какимъ усердіемъ британское правительство вело переговоры съ Якубъ-Бекѣмъ и собирало о немъ свѣдѣнія. Этихъ свѣдѣній накопилось такъ много, что на основаніи ихъ плодovitый компиляторъ Boulger напечаталъ довольно объемистую книгу, въ 335 страницъ, подъ заглавіемъ *The life of Jakoob beg; athalik ghazi, and badaulet; ameer of Kashgar* (London, 1878).

Наша литература не можетъ похвалиться такимъ богатствомъ, а между тѣмъ мы могли бы сдѣлать для выясненія личности Якубъ-Бека очень многое, такъ какъ еще живы нѣкоторые сподвижники его, знающіе подробности о жизни Бадаулета. Теперь у туземцевъ Туркестана нѣтъ обыкновенія вести записи о совершающихся на ихъ глазахъ событіяхъ и со смертію очевидцевъ навсегда погибаетъ источникъ для сужденія объ историческихъ фактахъ. Мнѣ представился случай произвести опытъ собиранія свѣдѣній объ Якубъ-Бекѣ.

Въ Ташкентѣ въ настоящее время проживаетъ кокандскій сартъ мирза Ахмедъ, бывшій кушъ-беги, близко стоявшій къ Якубъ-Беку и къ событіямъ его времени¹⁾. При помощи своей памяти, очень хорошо развитой у туркестанцевъ, мирза Ахмедъ могъ бы составить интересную записку о приключеніяхъ Бадаулета, но онъ, къ сожалѣнію, оказался неграмотнымъ, почему для достиженія нашей цѣли пришлось прибѣгнуть къ другому приему, именно къ распросамъ. Мною была составлена небольшая программа и предложенъ рядъ вопросовъ, на которые было желательно получить отвѣты. Опросить мирзу Ахмеда и записать его показанія вызвался изъ дружбы и расположенія ко мнѣ ташкентскій судья И. М. Оранскій, который при посредствѣ переводчика и совершилъ этотъ далеко не легкій трудъ, а затѣмъ переслалъ мнѣ данныя мирзой Ахмедомъ показанія. Они нѣсколько кратки, но довольно интересны и, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ полнаго довѣрія, такъ какъ въ случаяхъ, допускающихъ провѣрку по другимъ источникамъ, сообщенія мирзы Ахмеда стоятъ совершенно непоколебимо. Быть можетъ нѣкоторыя частности со временемъ примутъ иной видъ или иное освѣщеніе, но въ общемъ ходъ событій представленъ вѣрно. Къ Якубъ-Беку мирза Ахмедъ относится спокойно, не превознося его и не унижая, и личность «счастливецъ» предстаетъ передъ нами живою, со свойственными человѣку слабостями и коварствомъ, въ особенности присущимъ Востоку.

1) Въ Кокандѣ титулъ кушъ-беги давался начальнику 3-хъ тысячнаго военного отряда. Въ Бухарѣ этотъ титулъ носитъ первый министръ.

О мирзѣ Ахмедѣ упоминаетъ докторъ Беллю, спутникъ британскаго посланника Форсайта, отправленнаго къ Якубъ-Беку въ 1873 году¹⁾. Мирза Ахмедъ кушъ-беги встрѣчалъ посольство. По свидѣтельству Беллю это одинъ изъ самыхъ приближенныхъ ко двору лицъ, по виду ему около 45 лѣтъ, у него крупныя черты лица и густая борода, вообще же онъ красивый мужчина. Въ Кокандѣ онъ принималъ дѣятельное участіе въ политикѣ и даже пытался, хотя и безуспѣшно, завладѣть кокандскимъ престоломъ.

Едва ли послѣднее замѣчаніе справедливо. Если бы въ дѣйствительности произошло что-либо подобное, мирза Ахмедъ не преминулъ бы о томъ упомянуть и даже похвастать. Между тѣмъ вотъ что онъ самъ говоритъ на эту тему. «Послѣ того, какъ бухарскій эмиръ Музаффаръ объявилъ ханомъ Шамратъ-Хана, который ханствовалъ 3 мѣсяца и по удаленіи эмира изъ Коканда, былъ убитъ кипчаками, мы трое, мулла Алимъ-Куль, Минъ-Бай и я, держали совѣтъ: кого назначить ханомъ? Мулла Алимъ-Куль сказалъ, что онъ желаетъ снять съ себя подозрѣніе въ смерти Малля-Хана и намѣренъ провозгласить ханомъ сына послѣдняго, Султана Саида. На это Минъ-Бай возражалъ, говоря, что титулъ хана по справедливости долженъ принадлежать муллѣ Алимъ-Кулу. Я со своей стороны замѣтилъ, что мулла Алимъ-Куль не ханскаго рода и всего приличнѣе быть ханомъ Султану Саиду. Тогда мулла Алимъ-Куль поручилъ мнѣ поразвѣдать, кого самъ народъ желаетъ имѣть ханомъ: его ли, муллу Алимъ-Кула, или Султана Саида? Народъ склонился на сторону послѣдняго. Минъ-Бай же опасался, что Султанъ Саидъ будетъ мстить кипчакамъ за смерть своего отца. Султану Саиду было тогда 23 года, а муллѣ Алимъ-Кулу — 34.

Упоминаетъ о мирзѣ Ахмедѣ кушъ-беги и А. Н. Куропаткинъ, въ бытность свою въ Кашгаріи въ 1875—6 годахъ, прибавляя, что мирза живетъ въ Кашгарѣ безъ большаго вліянія²⁾.

Н. Веселовскій.

Разсказъ Мирзы Ахмеда о себѣ самомъ и о кокандскихъ событіяхъ.

Родился я въ Кокандѣ. Отецъ мой мирза Мухаммедъ Эминъ имѣлъ троихъ сыновей, изъ которыхъ я былъ среднимъ. Старшій братъ, мирза Хатдамъ, умеръ 25-ти лѣтъ отъ раны, нанесенной ему кипчаками во время междоусобій при ханѣ Худоярѣ, и былъ старше меня на 9 лѣтъ; младшій,

1) Bellew, Kashmir and Kashgar. London, 1875.

2) А. Куропаткинъ. Кашгарія, Спб. 1879, стр. 138.

Улгакъ, живеть въ Кокандѣ, занимаясь торговлею хлопкомъ; онъ моложе меня лѣтъ на 6.

Мой отецъ во время ханствованія Мадали-Хана управлялъ чустскимъ бекствомъ за Саидъ-Хана кушъ-беги, постоянно находившагося при ханѣ, и умеръ въ одинъ день съ ханомъ.

Когда мнѣ минуло 13 лѣтъ, я, по желанію дяди Аучи мирзы, поступилъ на службу къ преемнику Мадали-Хана, къ Ширъ-Али, у котораго и

находился три года, до его смерти. Моя обязанность на первое время состояла въ исполненіи порученій ханскихъ женъ, а затѣмъ я былъ опредѣленъ махрамомъ и постоянно находился при ханѣ. Вскорѣ мнѣ пришлось исполнить секретное порученіе хана къ сыну его, Худояру, назначенному бекомъ въ Наманганъ. Дѣло заключалось въ томъ, что кушъ-беги Мусульманъ-Куль, явившись однажды къ Ширъ-Али-Хану, заявилъ ему желаніе кипчаковъ, чтобы Худояръ женился на кипчачкѣ для прекращенія вражды между сартами и кипчаками. Ханъ выразилъ одобреніе подобному проекту и поручилъ Мусульманъ-Кулу вмѣстѣ со мной поѣхать по этому дѣлу въ Наманганъ; но тайно приказалъ мнѣ передать его сыну, чтобы онъ не давалъ своего согласія Мусульманъ-Кулу подъ тѣмъ предлогомъ, что счи-

таетъ необходимымъ посовѣтоваться объ этомъ дѣлѣ съ ханомъ, для чего и пріѣхалъ бы въ Кокандъ. Ширъ-Али говорилъ, что за Худояра высватана дочь ходжентскаго бека Худояра, Валлями, на которой ему и слѣдуетъ предварительно жениться.

На третій день по пріѣздѣ моемъ въ Наманганъ, пришла вѣсть о смерти Ширъ-Али-Хана. Его убилъ Мурадъ, сынъ Алимъ-Хана, сына Нарбуты бѣя. Этотъ Мурадъ, будучи изгнанъ изъ Коканда Мадали-Ханомъ, скрывался въ Бухарѣ. Ханствовалъ Мурадъ дней 9 или 10 и былъ убитъ Мусульманъ-Куломъ, который объявилъ ханомъ Худояра. Съ Худояръ-Ханомъ и я вернулся въ Кокандъ.

Въ первый же годъ своего ханствованія Худояръ-Хану, по настоянію Мусульманъ-Кула, пришлось идти походомъ противъ ташкентскаго бека Наръ-Мухаммеда, переставшаго повиноваться хану. Причина тому была слѣдующая. Наръ-Мухаммедъ, получивъ назначеніе управлять Ташкентомъ, оставилъ свое семейство въ Кокандѣ, куда онъ при ханѣ Худоярѣ пріѣхалъ на *той*, по случаю обрѣзанія своего сына. На празднество были приглашены ханъ и Мусульманъ-Кулъ. Во время пира Хаккъ-Бекъ кушъ-беги, родственникъ Наръ-Мухаммеда поссорился съ Мусульманъ-Куломъ и въ тотъ же вечеръ, на праздникѣ, былъ убитъ по приказанію послѣдняго. Многіе были возмущены этимъ событіемъ, а всего болѣе ташкентскій бекъ, противъ котораго понадобилось употребить военную силу. Когда ханъ и Мусульманъ-Кулъ подошли къ Ташкенту, получилось извѣстіе о появленіи въ андиджанскомъ бекствѣ, въ мѣстности Кетмень-тепе разбойничьихъ шаекъ, вслѣдствіе чего Мусульманъ-Кулъ поспѣшилъ въ Андиджанъ, а хана оставилъ подъ Ташкентомъ. Здѣсь Худояръ-Ханъ и Наръ-Мухаммедъ помирились, при чемъ послѣдній поднесъ хану многочисленные дары, изъ которыхъ часть ханъ удѣлилъ мнѣ.

Вернувшись въ Кокандъ, ханъ предпринялъ походъ противъ уратюбинскаго бека Алла-Шукура; тогда я въ первый разъ участвовалъ въ сраженіи. Алла-Шукуръ былъ убитъ, а бекство отдано Ша-Беку.

Ровно 12 лѣтъ Худояръ-Ханъ управлялъ Кокандомъ, и я все это время находился при немъ. Наконецъ кипчаки во главѣ съ муллою Алимъ-Куломъ до такой степени стѣснили сартовъ, что Худояръ рѣшился оставить Кокандъ и бѣжалъ въ Бухару, а я ему сопутствовалъ.

Мулла Алимъ-Кулъ возвелъ на ханство брата Худоярова Малля-Хана. Въ это время русскіе уже взяли Акъ-Мечеть. Малля-Ханъ ханствовалъ 3 года 3 мѣсяца и 3 дня. Противъ него составили заговоръ Утамбай, наускій бекъ, Мухаммедъ-Муса-Бекъ зааминскій и Канаатъ-Бекъ ташкентскій, такъ какъ первые два узнали, что ханъ добирается до нихъ. Они воспользо-

лись отсутствіемъ муллы Алимъ-Кула, отправившагося въ Уратюбэ противъ бека Дзашабая, и покончили съ ханомъ. Убійцами его были Худай-Бергенъ-Чулакъ, племянникъ Мусульманъ-Кула, и понсать Керимъ-Куль. Первый бросился на хана и нанесъ ему смертельную рану. Во время этого событія Худояръ вмѣстѣ со мною находился въ Джизакѣ.

Худояръ ханъ провелъ въ изгнаніи болѣе трехъ лѣтъ. Когда онъ явился въ Бухару, при немъ состояло человекъ 300 изъ его приближенныхъ. Худояръ остановился въ селеніи Куюкъ-ата, въ полутора *ташахъ* отъ Бухары и жилъ тамъ 15 дней, ожидая приглашенія отъ эмира; но эмиръ призывалъ только меня и выразилъ свое неудовольствіе на Худояра, говоря, что онъ не способенъ управлять народомъ. Послѣ того онъ обратился къ эмиру Батырь-Хану (Насрулла) съ просьбою разрѣшить ему про-извести наборъ войска въ Каратегинѣ, чтобы снова овладѣть Кокандомъ. Эмиръ изъявилъ на это свое согласіе. Худояръ поѣхалъ въ Каратегинѣ, я же былъ оставленъ эмиромъ въ Бухарѣ; при мнѣ находилось 150 человекъ и всѣ мы состояли на иждивеніи эмира. Въ Каратегинѣ Худояръ не имѣлъ успѣха и вскорѣ же переселился въ Самаркандъ, гдѣ провелъ 3 года, имѣя мѣстопробываніе на Чупанатинскихъ высотахъ, въ мѣстности Тутъ-заръ, въ тутовой рошѣ, и до того обнищалъ, что у него подъ конецъ ничего не осталось изъ платья, кромѣ бараньяго халата и грязной тюбетейки. Почти всѣ приверженцы покинули его, лишь наиболѣе близкіе содержали бывшаго хана изъ своего скуднаго заработка, добываемаго поденными работами. Тѣмъ временемъ Насрулла умеръ и вступилъ на ханство эмиръ Музаффаръ, который, призвавъ меня, сообщилъ, что до его свѣдѣнія доведено о недовольствѣ кокандцевъ на Малля-Хана, а потому онъ считаетъ своевременнымъ помочь Худояръ-Хану водвориться въ Кокандѣ. Эмиръ разрѣшилъ мнѣ поѣздку къ Худояръ-Хану, съ которымъ мы и направились въ Кокандское ханство и тайно прибыли въ Ташкентъ. Ташкентскій бекъ Канаатъ находился въ то время въ Туркестанѣ, но получивъ извѣщеніе о прибытіи Худояра, явился къ нему. Оставивъ Худояра въ Ташкентѣ, я направился въ Бухару съ докладомъ. Тогда эмиръ, поручивъ мнѣ небольшой отрядъ, послалъ меня въ Кокандъ, а самъ съ войскомъ слѣдовалъ за мной, отставая на одинъ день пути. Эмиръ шелъ черезъ Зааминъ и Уратюбэ и остановился въ Махрамѣ. Тѣмъ временемъ Худояръ съ отрядомъ изъ ташкентцевъ и кураминцевъ прибылъ въ Кокандъ и принялъ управленіе ханствомъ. Эмиру ничего не оставалось дѣлать и онъ, вмѣстѣ со мною, повернулъ въ Уратюбэ, распустивъ войско и направился въ Самаркандъ. Вскорѣ сюда прибылъ Канаатъ-Бекъ и преподнесъ эмиру двѣ пушки. Эмиръ назначилъ его бекомъ въ Хатырчи.

Черезъ 3 года послѣ этихъ событій мулла Алимъ-Куль прогналъ изъ Коканда Худояръ-Хана, которымъ народъ былъ очень недоволенъ за высокія подати. Въ это время я занималъ должность маргеланскаго бека. Всѣмъ самовластно распоряжавшійся мулла Алимъ-Куль поставилъ ханомъ Султана Саида. Худояръ же оставался въ изгнаніи до смерти муллы Алимъ-Кула, проживая въ Джизакѣ, а когда узналъ о смерти временщика, то отправился въ Бухару просить покровительства у эмира для вступленія на ханство въ Кокандѣ.

Званіе кушъ-беги я получилъ отъ Султана Саидъ-Хана.

Во время войны съ русскими мулла Алимъ-Куль былъ главнокомандующимъ и специально завѣдывалъ всѣми кипчацкими войсками, тогда какъ Минъ-Бай начальствовалъ надъ киргизами, а я надъ сартами.

Въ настоящее время¹⁾ мнѣ 66 лѣтъ, у меня 8 сыновей и одна дочь. Старшему сыну 26 лѣтъ, дочери 1 годъ. Имѣя такую многочисленную семью, я сильно бѣдствую, такъ какъ за старостію не могу исполнять какую либо работу, дѣти также не приучились къ труду.

Разсказъ мирзы Ахмеда объ Якубъ-Бекѣ.

Якубъ-Бекъ — сынъ Латифа *шакосы*²⁾, сарта, жившаго въ селеніи Пскентъ ташкентскаго уѣзда. Лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ Латифъ былъ высланъ изъ Пскента по повелѣнію кокандскаго правителя³⁾ Алимъ-Бека и поселенъ въ мѣстности Капа андиджанскаго уѣзда. Ссылка послѣдовала за кляузничествомъ и сплетни Латифа, доведенныя до свѣдѣнія Алимъ Бека кереучинскимъ бекомъ, дядею послѣдняго. Капа служила мѣстомъ ссылки потому, что вслѣдствіе низменнаго положенія и сырости въ ней лѣтомъ бываетъ столько мошекъ и комаровъ, что жить тамъ чистое наказание. Во время пребыванія Латифа въ ссылкѣ, у него родился сынъ Якубъ⁴⁾.

По смерти Алимъ-Бека и затѣмъ брата его Омаръ-Хана, Латифъ переселился въ свой родной Пскентъ и вскорѣ умеръ. Малолѣтній Якубъ остался на попеченіи своего дяди. Достигши юношескаго возраста, Якубъ началъ посѣщать чай-ханэ, при чемъ обнаружилъ способность къ пѣнію; а

1) Показанія мирзы Ахмеда относятся къ 1895-му году.

2) Т. е. любитель *хукнара*, одуряющаго напитка, приготовляемаго изъ головокъ мака.

3) Кокандскіе правители тогда еще не носили титула хановъ.

4) Полное имя его: Мухаммедъ Якубъ, какъ это значится на его *малыхъ* печатяхъ. Робертъ Шау смѣшалъ Пскентъ съ Пишпекомъ. См. его *Visits to high Tartary, Yarkand, and Kashghar*, стр. 45.

такъ какъ онъ имѣлъ красивую наружность, то его стали называть Якубомъ-бачею. Такое поведеніе Якуба не нравилось его дядѣ, который рѣшилъ дать другое направленіе дѣятельности своего племянника, научивъ его какому нибудь ремеслу, для чего и отвезъ его въ Ташкентъ, гдѣ опредѣлилъ къ одному сарту, ткачу маты, проживавшему въ бешъ-агачскомъ кварталѣ; но Якубъ пробылъ въ ученьѣ лишь нѣсколько дней и бѣжалъ обратно въ Пскентъ. Одинъ изъ пскентскихъ жителей, Абдухалыкъ, находившійся въ услуженіи у кереучинскаго бека Ирназаръ-Беглярбега, рекомендовалъ Якуба въ служители къ минбаши Гадай-Баю. Обязанности Якуба состояли только въ томъ, что онъ грѣлъ кумганъ и подавалъ чилимъ своему хозяину. Отъ Гадай-Бая Якубъ перешелъ на службу къ Мухаммедъ-Кериму Кашкѣ, беку ходжентскому, и исполнялъ тѣ же услуги.

Когда Мухаммедъ-Керимъ Кашка былъ вызванъ Мусульманъ-Куломъ въ Кокандъ и тамъ зарѣзанъ, люди его частію разбѣжались, а частію поступили въ войско ташкентскаго бека Азиза, назначеннаго на этотъ постъ тѣмъ же временщикомъ, то и Якубъ опредѣлился къ Азизъ-Беку джигитомъ въ его войско. Въ то время въ Ташкентѣ былъ казіемъ Низамъ эд-Динъ, зять Якуба, переведенный туда изъ Пскента. Низамъ эд-Динъ устроилъ женитьбу кереучинскаго бека Наръ-Мухаммеда на сестрѣ жены своей и Якуба. Родственныя связи съ высокопоставленными лицами помогли Якубу возвыситься.

Когда власть Мусульманъ-Кула временно поколебалась, Азизъ-Бекъ былъ удаленъ изъ Ташкента, а его мѣсто занялъ Наръ-Мухаммедъ въ званіи кушъ-беги. Прибывъ въ Ташкентъ Наръ-Мухаммедъ сейчасъ же послалъ своего шурина Якуба правителемъ въ Чиназъ, а потомъ перевелъ его въ Аулізъ-ата. Въ то время должность бека Акъ-Мечети была самою доходною, такъ какъ черезъ эту крѣпость шелъ караванный путь изъ Бухары въ Оренбургъ, что доставляло большой таможенный сборъ, и Якубъ выпросилъ себѣ это мѣсто у Наръ-Мухаммеда.

Полагають, что Якубъ-Бекъ нажилъ тамъ большое состояніе, такъ какъ собиралъ произвольный *зекятъ*, взималъ деньги со скота и барантовалъ¹⁾. Прошелъ даже слухъ, что онъ за деньги уступилъ русскому прави-

1) Султанъ — правитель восточной части киргизской орды, Ахмедъ-джанъ-тюринъ, доносилъ про Якубъ-Бека русскому начальству: «онъ не знаетъ сегодня, будетъ ли грабить своихъ сосѣдей завтра. Все это случается по внезапнымъ приказаніямъ ташкентскаго Кушъ-бека, отъ котораго онъ зависитъ, или отъ собственной нужды въ деньгахъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, акъ-мечетскій бекъ тотчасъ же посылаетъ всегда готовую шайку на грабежъ киргизъ, обираетъ ихъ до послѣдней крайности и только тѣ ордынцы, которые безпрекословно исполняютъ при этомъ всѣ тяжкія требованія хищниковъ, не под-

тельству право пользованія водою озера Сары-камышъ. О послѣднемъ обстоятельствѣ караванъ башъ Юдашъ-Бай донесъ Мусульманъ-Кулу, который поставилъ это на видъ Наръ-Мухаммеду кушъ-беги, вслѣдствіе чего тотъ потребовалъ объясненій отъ Якубъ-Бека. Послѣдній явился въ Ташкентъ лично и заявилъ Наръ-Мухаммеду, что доносъ на него сдѣланъ ложно и при этомъ представилъ тысячу тиллей, которыхъ будто бы Наръ-Мухаммедъ не принялъ; тѣмъ не менѣе Якубъ-Бекъ удержался въ Акъ Мечети. Такимъ оборотомъ дѣла остался недоволенъ Худояръ-Ханъ и прибылъ съ войскомъ въ Ташкентъ, чтобы лишить Наръ-Мухаммеда занимаемой имъ должности. Дѣло уладилось мирно, такъ какъ кушъ-беги поднесъ хану богатые подарки и удержался на своемъ мѣстѣ; а Якубъ-Бека вызвалъ въ Ташкентъ, гдѣ сдѣлалъ своимъ помощникомъ въ званіи батыръ-баши. Въ Акъ Мечеть былъ назначенъ бекомъ Абдували, при которомъ эта крѣпость была взята русскими¹⁾.

Въ Ташкентѣ Якубъ-Бекъ оставался до тѣхъ поръ, пока тамъ управлялъ Наръ-Мухаммедъ, а когда послѣдній былъ смѣщенъ и вызванъ въ Кокандъ, туда же отправился и Якубъ-Бекъ. Здѣсь онъ просилъ меня ходатайствовать ему какую либо службу при ханскомъ дворѣ, что и удалось, такъ какъ я тогда былъ гала-батыремъ и любимцемъ хана. Якубъ Бекъ былъ назначенъ смотрителемъ посольскаго дома, но оставался въ этой должности одинъ мѣсяцъ и по моему ходатайству получилъ мѣсто ходжентскаго бека. Случилось это послѣ смерти Наръ-Мухаммеда, убитаго кокандскими сартами черезъ 6 мѣсяцевъ по прибытіи его въ Кокандъ, — въ то время сарты ополчились на узбековъ кипчаковъ и всюду истребляли ихъ.

вергаются насилію». См. А. Макшеевъ, Путешествія по киргизскимъ степямъ, Спб. 1896, стр. 157.

1) Такимъ образомъ мирза Ахмедъ не говоритъ о столкновеніи Якубъ-Бека съ русскими, что и соотвѣтствуетъ нашимъ, наиболѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ по этому вопросу. У Макшеева въ его Путешествіяхъ, на стр. 155—156 сообщается слѣдующее: «Акъ-мечетскіе киргизы съ 1850 г. дѣлали постоянно набѣги на нашихъ киргизъ ради баранты; въ мартѣ же 1852 г. приняли въ ней участіе кокандцы и хивинцы подъ начальствомъ акъ-мечетскаго Якубъ-бека. Ему были подвѣдомственны коканскія укрѣпленія: Джүлекъ, Кумышъ-курганъ, Чимъ-курганъ, Кошъ-курганъ. Число коканцевъ простиралось до 1000 человекъ, а хивинцевъ (изъ хивинской крѣпости Ходжаниасъ) — до 130. Они произвели грабежъ на Айгерикъ 3 марта и разграбили до 100 ауловъ. Начальникъ Аральскаго укрѣпленія майоръ Энгманъ, получивъ извѣстіе о грабежѣ, выступилъ изъ укрѣпленія съ отрядомъ въ 100 человекъ при одномъ горномъ единорогѣ и 4 марта догналъ скопище на урочищѣ Акчибузатъ. Произошла битва, длившаяся до сумерокъ, а ночью хищники бѣжали къ Кошъ-кургану». Это было единственное дѣло, въ которомъ Якубъ-Бекъ непосредственно сражался съ русскими. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ отозванъ, а на его мѣсто назначенъ Батыръ-Басы. Когда въ іюлѣ того-же 1852 г. подступилъ къ Акъ-Мечети Бларамбергъ, то онъ встрѣтилъ сопротивление со стороны этого Батыръ-Басы.

Управляя ходжентскимъ бекствомъ, Якубъ-Бекъ уговаривалъ Рустамъ-Бека, уратюбинскаго бека, къ которому прїѣзжалъ по ночамъ, сдѣлать докладъ эмиру о неспособности Худояръ-Хана править народомъ и просить его вмѣшательства въ дѣла Коканда. Объ этомъ сообщилъ Якубъ-Бекъ и хатырчинскому беку Гадай-Баю. Худояръ-Ханъ узналъ объ этомъ и послалъ людей захватить Якубъ-Бека и доставить его въ Кокандъ. Тѣ дѣйствительно схватили Якубъ-Бека, связали его и повезли къ хану; но узникъ ночью зубами перегрызъ веревки и бѣжалъ. Переплывъ черезъ Сыръ-Дарью, онъ очутился на бухарской сторонѣ и черезъ Джизакъ прибылъ въ Бухару. Тамъ онъ оставался 3 года и затѣмъ явился ко мнѣ въ Ташкентъ. Я сталъ ходатайствовать предъ Худояръ-Ханомъ за Якубъ-Бека о прощеніи его, и ханъ уступилъ моимъ просьбамъ, повелѣвъ прислать къ нему Якубъ-Бека въ Кокандъ. Три года Якубъ-Бекъ оставался не у дѣлъ. Однажды ханъ пригласилъ меня на обѣдъ; я засталъ хана читающимъ коранъ и ожидалъ когда онъ кончитъ чтеніе. Въ это время Якубъ-Беку подали на грязной тарелкѣ пловъ, который онъ наполовину съѣлъ, а другую половину отдалъ собакѣ. Это подѣйствовало на меня удручающимъ образомъ. За ханскимъ обѣдомъ я ѣлъ очень мало, что не укрылось отъ хана, который спросилъ меня, какая тому причина. Я отвѣчалъ, что у меня отбило аппетитъ положеніе несчастнаго Якубъ-Бека. Тогда ханъ приказалъ позвать къ обѣду и Якубъ-Бека. Тутъ же присутствовалъ бекъ Канаатъ. Пользуясь вниманіемъ Худояръ-Хана къ Якубъ-Беку, я просилъ о награжденіи послѣдняго халатомъ, что и было исполнено, кромѣ того ханъ назначилъ Якубъ-Бека понсатомъ (начальникомъ надъ 500 воиновъ). Случилось это менѣе чѣмъ за годъ до взятія русскими города Ташкента, а мѣсяцъ спустя бухарскій эмиръ подступилъ къ Коканду и отправилъ Худояра въ Бухару, а на ханство возвелъ его племянника, Шамратъ-Хана, сына Сарымсака, брата Худоярова. По удаленіи эмира кокандцы убили Шамратъ-Хана и избрали ханомъ Султана Сайда. При немъ Якубъ-Бекъ остался не у дѣлъ, хотя и продолжалъ жить при ханскомъ дворцѣ. Тяготясь такимъ положеніемъ, онъ обратился ко мнѣ за совѣтомъ, какъ бы ему устроить иную, лучшую жизнь? При этомъ Якубъ замѣтилъ, что боится муллы Алимъ-Кула, который относится къ нему недовѣрчиво. Я обѣщалъ Якубъ-Беку помочь и вскорѣ мнѣ представился къ тому случай. По нѣкоторымъ дѣламъ я отправился къ Алимъ-Кулу и тотъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что въ виду русскихъ завоеваній его занимаетъ мысль о вознагражденіи за причиненныя потери, въ другомъ мѣстѣ, а именно въ Кашгарѣ, гдѣ царитъ безпорядокъ. При этомъ Алимъ-Кулъ спросилъ меня: кого бы отправить въ Кашгаръ, чтобы водворить тамъ кокандское вліяніе? Я указалъ на Якубъ-Бека. На это Алимъ-

Куль замѣтилъ, что намѣченный мною кандидатъ — человекъ опороченный и не заслуживаетъ довѣрія. Однако мои доводы подѣйствовали на Алимъ-Кула, который согласился послать Якубъ-Бека въ Кашгаръ, но потребовалъ моего поручительства въ томъ, что Якубъ-Бекъ не измѣнитъ своему отечеству. Я и Хошъ-Дадха, ташкентскій бекъ, дали такое поручительство и тогда Якубъ-Бекъ былъ посланъ съ Бузюркъ (т. е. Бузюркъ)-Ходжею, потомкомъ Аппакъ-Ходжи, въ Кашгаръ. Собственно говоря, больше правъ на ханство въ Кашгарѣ имѣлъ ходжа Мухаммедъ-Эминъ, двоюродный братъ Бузюрка, сынъ Мухаммедъ-Юсуфа тюри, уже правившій прежде этимъ ханствомъ въ теченіи трехъ лѣтъ и оставившій эту страну предъ тѣмъ лѣтъ 12, не надѣясь на успѣхъ въ борьбѣ съ китайцами. Ему предпочли Бузюркъ-Ходжу на томъ основаніи, что это былъ человекъ глупый и слабый, не способный освободиться отъ кокандскаго вліянія, тогда какъ умъ и самостоятельность Мухаммедъ-Эмина сильно смущали кокандцевъ, которые много разъ имѣли случай убѣдиться въ этихъ его качествахъ, потому что Мухаммедъ-Эминъ все это время засѣдалъ въ совѣтѣ хана, и ни одно серьезное дѣло не рѣшалось безъ его участія. Оба ходжи проживали тогда въ Кокандѣ. Случилось это за полгода до паденія Ташкента.

Въ то время Кашгарская область находилась подъ управленіемъ дунганина Даудъ-Ахуна, имѣвшаго пребываніе въ Урумчи и не подчинявшагося Китаю. Покоривъ Кашгаръ, Даудъ вернулся въ Урумчи, но по дальности разстоянія—три мѣсяца ѣзды—власть Дауда въ Кашгарѣ была ничтожна. Якубъ-Бекъ, по данной ему инструкціи, долженъ былъ освободить Кашгарскую землю отъ дунганскаго владычества, но когда прибылъ въ Кашгаръ, то по недостаточной численности войска, ничего предпринять не могъ. Дунгане же, узнавъ о появленіи въ Кашгарѣ хана, пошли противъ него. Якубъ-Бекъ заперся въ Кашгарѣ и оттуда писалъ мнѣ, чтобы я слѣшилъ къ нему на помощь.

Между тѣмъ Алимъ-Куль палъ, и Ташкентъ перешелъ въ руки русскихъ. Войско кокандское удалилось въ Кокандъ, гдѣ не было хана, такъ какъ Эминъ потребовалъ Султана Саида въ Бухару, и войско оставалось безъ дѣла, что и дало мнѣ возможность отправиться въ Кашгаръ. Съ другой стороны и Мухаммедъ-Эминъ-Ходжа, прослышавъ о дурномъ поведеніи Бузюркъ-Ходжи, рѣшился поѣхать въ Кашгаръ и просилъ меня сопутствовать ему. Я былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Мухаммедъ-Эминомъ и надѣялся при его помощи устроить и свое положеніе въ Кашгарѣ—это еще болѣе побудило меня отправиться туда.

Что же касается Бузюркъ-Ходжи, то онъ сейчасъ же по прибытіи въ Кашгаръ предался всѣмъ удовольствіямъ жизни. Во дворцѣ его днемъ и

ночью былъ *машрабъ*, по ташкентскому — *безмъ*. Кашгарскіе мужчины и женщины большіе мастера играть на *дутаръ* (двухъ-струнный инструментъ), на *тамбуръ* (трехъ-струнный), *иджектъ* (скрипка), *наъ* (духовой инструментъ) и бубнѣ. Подъ музыку дѣвушки и женщины поютъ пѣсни и танцуютъ. Вообще кашгарцы очень любятъ веселиться. Въ городѣ для этого существуетъ особое зданіе, называемое Пайкабакъ, гдѣ музыканты ежедневно въ полдень играютъ съ крыши этого зданія возвѣщаютъ горожанамъ о началѣ гулянья. Тогда туда стекаются женщины и дѣвушки, танцовщицы и пѣсенницы, собираются зрители, и начинаются танцы подъ музыку. Кто не имѣетъ возможности идти въ Пайкабакъ, тѣ устраиваютъ танцы подъ пайкабакскую музыку на крышахъ своихъ домовъ. Въ Пайкабакъ приносятъ *мусалаясъ* (кишмишевая водка), который пьютъ не только мужчины, но и женщины. Женщины въ Кашгарѣ не закрываютъ своихъ лицъ.

Разгульная жизнь Бузюркъ-Ходжи возбудила противъ него недовольствіе въ народѣ и въ войскѣ, а Якубъ-Бекъ не предостерегалъ ходжу отъ послѣдствій такого поведенія.

Когда Мухаммедъ-Эминъ прибылъ въ Кашгаръ, народъ и войско просили его взять въ свои руки управленіе областью. Тогда Бузюркъ-Ходжѣ ничего болѣе не оставалось, какъ удалиться изъ Кашгара, что онъ и сдѣлалъ, спустя недѣлю по водвореніи Мухаммедъ-Эмина въ Кашгарѣ, подъ предлогомъ пилигримства въ Мекку. До Мекки, однако, Бузюркъ-Ходжа не добрался, а изъ Персіи вернулся въ Кокандъ, гдѣ осенью того же года умеръ.

Хотя Мухаммедъ-Эминъ и занялъ мѣсто Бузюркъ-Ходжи, но всѣми дѣлами по прежнему распоряжался Якубъ-Бекъ. Онъ сейчасъ же отправилъ меня къ городу Маралбаши, чтобы выгнать оттуда дунганъ. Я взялъ городъ и донесъ о томъ Якубъ-Беку. Въ отвѣтъ на это извѣщеніе я получилъ увѣдомленіе, что Мухаммедъ-Эминъ умеръ. Въ Кашгарѣ онъ пробылъ всего 3 мѣсяца. Подозрѣвали, что онъ былъ отравленъ. Мухаммедъ-Эминъ иначе назывался Ишанъ-Ханомъ. Черезъ два мѣсяца послѣ того послѣдовала смерть Валихана тюрки. Онъ не любилъ Якубъ-Бека и тотъ съ своей стороны считалъ для себя Валихана опаснымъ. Говорятъ, что Якубъ-Бекъ подослалъ къ Валихану своихъ приближенныхъ, которые рекомендовались тюркъ врачами и, будучи приняты имъ, отравили его.

По смерти Мухаммедъ-Эмина верховная власть должна была перейти къ сыну его Хакимъ-Беку; но это не входило въ планы Якубъ-Бека, который поспѣшилъ удалить ходжу, назначивъ его бекомъ въ Маралбаши.

Успѣхъ дѣйствій подъ Маралбаши побудилъ и самого Якубъ-Бека отправиться походомъ въ Аксуйскую долину для присоединенія ея къ Каш-

гару. Онъ пробылъ въ походѣ три года. Завоевавъ городъ Куня-Турфанъ, онъ посадилъ тамъ бекомъ Хакимъ-Хана; а самъ отправился на Урумчи, подчинившійся Даудъ-Ахуну. Въ Урумчи былъ бекомъ Суянчишай-Бекъ, изгнанный изъ Куня-Турфана. Даудъ-Ахунъ выступилъ противъ Якубъ-Бека съ войскомъ, простиравшимся до 90 тысячъ человекъ. Якубъ-Бекъ долженъ былъ отступить. Остановившись въ Курганѣ Даки-Юнусъ, онъ послалъ меня съ войскомъ въ Урумчи. Я сражался съ урумчинцами, но убѣдившись, что взять городъ нѣтъ возможности, я, съ согласія Якубъ-Бека вступилъ въ переговоры съ Даудъ-Ахуномъ о мирѣ, который и былъ заключенъ, послѣ чего Якубъ-Бекъ направился въ Куня-Турфанъ, а оттуда въ Кашгаръ.

Резиденціей своей Якубъ-Бекъ избралъ городъ Курлю, отстоящій отъ Кашгара на 12 дней ѣзды, въ Кашгаръ же пріѣзжалъ онъ только по особннымъ случаямъ и для торжественныхъ пріемовъ. Такъ въ Кашгарѣ былъ принятъ англійскій посолъ Форсайтъ, но русскій посланникъ Куропаткинъ ѣздилъ въ Курлю.

Еще при жизни Мухаммедъ-Эмина Якубъ-Бекъ усвоилъ себѣ титулъ *Аталыка*. Такъ называлъ его Худай-Куль Ибрагимовъ (бельвакчи-ханъ), торговецъ поясами, самозванный ханъ омскаго кочеваго населенія. Худай-Куль былъ намѣренъ придти со своимъ войскомъ въ Кашгаръ и просилъ на то разрѣшенія у Якубъ-Бека, котораго титуловалъ въ письмѣ Аталыкомъ. Самъ же Якубъ-Бекъ называлъ себя *Бадаулетомъ*.

Преслѣдуя цѣль утвердить за собою власть въ Кашгарѣ, Аталыкъ обратился съ письмомъ къ англійской королевѣ, прося у нея совѣта и указанія, какъ управлять народомъ. Королева посовѣтовала ему обратиться за такими указаніями къ турецкому султану. Тогда Бадаулетъ Якубъ вошелъ въ сношенія съ султаномъ, объявилъ его своимъ главою и просилъ разрѣшенія помѣщать его имя на монетахъ. Султанъ посылалъ Якубу оружіе и людей, знавшихъ военное искусство. Въ числѣ таковыхъ былъ Заманъ-Бекъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи переводчикомъ канцеляріи туркестанскаго генералъ-губернатора.

Якубъ-Аталыкъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ каратегинскимъ бекомъ, своимъ сосѣдомъ, сносился съ кулабскимъ правителемъ, раджей кашемирскимъ, съ англійскимъ правительствомъ въ Индіи. Последнему онъ писалъ, что русскіе завоевали Среднюю Азію, и только Кашгаръ представляетъ стѣну, отдѣляющую русскихъ отъ Индіи: «если вода промочетъ эту стѣну, то пойдетъ дальше, поэтому надо поддержать и укрѣпить стѣну, чтобы не пропустить воду».

Англійскій посланникъ Форсайтъ жилъ въ Кашгарѣ 6 мѣсяцевъ. Онъ

говорилъ, что англійское правительство желало бы учредить консульство въ Кашгарѣ и просилъ Якубъ-Бека послать въ Лондонъ дипломатическое лицо для переговоровъ о тамъ какія границы нужны Якубъ-Беку и какъ ихъ укрѣпить. Форсайтъ завѣрялъ, что если Якубъ-Бекъ будетъ жить въ мирѣ съ англичанами, они помогутъ ему расширить границы его ханства до Багдада, и дадутъ вспомогательное войско. Форсайтъ собиралъ свѣдѣнія о торговлѣ. Пребываніе его надобно Якубъ-Беку и насилу удалось выпроводить его.

Послѣ того пріѣзжало русское посольство, состоявшее изъ Куропаткина и Сунаргулова. Куропаткинъ просилъ показать ему кашгарское войско, но получилъ отказъ¹⁾.

Въ политическихъ дѣлахъ совѣтникомъ Аталыка былъ Ишанъ-Ханъ, сынъ Низамъ-эд-Дина, казія сначала пскентскаго, а потомъ ташкентскаго. Ишанъ-Ханъ человѣкъ бывалый: онъ путешествовалъ въ Турцію и Индостанъ, былъ въ Меккѣ. Незадолго до своей смерти Якубъ-Бекъ отправилъ его къ китайскому императору для переговоровъ, такъ какъ прошелъ слухъ о вооруженіяхъ китайцевъ противъ Кашгара. Ишанъ-Ханъ не возвратился уже въ Кашгаръ и, по слухамъ, живетъ въ Индіи.

Когда Якубъ-Бекъ отправлялся въ походъ, онъ оставлялъ въ Кашгарѣ кого либо изъ уполномоченныхъ имъ лицъ, а когда прибылъ изъ Коканда сынъ его, Бекъ-Кули-Бекъ, то управленіе поручалось ему. Однако все вершилось по инструкціямъ и указаніямъ Аталыка.

Кромѣ Бекъ-Кули-Бека къ Якубъ-Беку прибыли изъ Коканда и другіе сыновья: Хайдаръ-Бекъ, Худай-Куль-Бекъ и Хаккъ-Кули-Бекъ. Хайдаръ-Бекъ долго оставался въ Пскентѣ и явился къ отцу только за два года до смерти Якубъ-Бека, а потомъ опять вернулся въ Пскентъ. Любимымъ сыномъ его былъ Хаккъ-Кули-Бекъ, котораго Якубъ-Бекъ называлъ настоящимъ сыномъ. Онъ считался лучшимъ стрѣлкомъ, отличался силою и былъ на годъ моложе Бекъ-Кули-Бека. Между этими двумя братьями существовала непримиримая вражда, вслѣдствіе чего Якубъ-Бекъ постоянно держалъ Хаккъ-Кули-Бека при себѣ. Этотъ юноша погибъ рано, когда ему было съ небольшимъ 20 лѣтъ.

Якубъ-Бекъ умеръ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Чустскій житель мирза Комылъ, служившій письмоводителемъ у Якубъ-Бека, составилъ бумагу, содержаніе которой не понравилось Аталыку, и онъ приказалъ

1) Если Мирза Ахмедъ разумѣетъ здѣсь военное ученіе, а не что либо другое, то онъ ошибается, такъ какъ нашъ посланникъ во время пребыванія въ Кашгарѣ неоднократно присутствовалъ на подобныхъ ученіяхъ.

переписать ее, но и вторымъ изложеніемъ онъ остался недоволенъ и снова потребовалъ передѣлки. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, схватилъ *батику* и началъ бить мирзу. Отъ злости съ нимъ сдѣлался припадокъ, у него потекла изъ носу кровь, и онъ умеръ отъ удара. Очевидцемъ смерти Якубъ-Бека былъ Ниязъ-бекъ-Дадха, яркендскій бекъ, состоявшій при Аталыкѣ завѣдующимъ финансами.

Хаккъ-Кули-Бекъ зашилъ въ кожу трупъ отца и повезъ въ Кашгаръ для погребенія. Дорогою въ Янги-абадѣ похоронную процессію встрѣтили посланцы Бекъ-Кули-Бека и убили Хаккъ-Кули-Бека, котораго бросили въ колючки, а тѣло Якубъ-Бека доставили въ Кашгаръ. Здѣсь Бекъ-Кули-Бекъ потребовалъ отъ своихъ посланцевъ доказательствъ смерти его брата и тѣ должны были вернуться на мѣсто убійства, тамъ отыскиали тѣло убитаго, отрубили голову и представили ее Бекъ-Кули-Беку.

Якубъ-Бекъ цѣлый мѣсяцъ оставался не похороненнымъ.

Якубъ-Бекъ былъ средняго роста, имѣлъ широкія плечи, густую бороду, немного рябоватое лицо, вообще отличался красивою наружностію и довольно значительною полнотою. Онъ не былъ грамотенъ. По вѣншней набожности Якубъ-Бекъ считался *шаномъ*, онъ возстановилъ въ Кашгарѣ соборную мечеть, построилъ мечеть въ своемъ дворцѣ, наблюдалъ за исправнымъ содержаніемъ медресе и памятниковъ на могилахъ святыхъ, соорудилъ въ Меккѣ отъ имени города Кашгара сарай для посѣтителей святаго мѣста.

Народъ не любилъ Якубъ-Бека за то, что онъ налагалъ тяжелыя подати. Такъ, онъ требовалъ $\frac{1}{6}$ часть урожая не зерномъ, а его стоимостью, и бралъ, какъ деньги, такъ и зерно, вслѣдствіе чего выходила подать двойная. Онъ отбиралъ отъ общества земли, называлъ ихъ казенными, и затѣмъ по нѣскольку разъ продавалъ тѣмъ же обществамъ. Но не въ этихъ только случаяхъ, а и во всемъ онъ дѣйствовалъ произвольно.

Гаремъ Якубъ-Бека состоялъ изъ 300 женъ. Кромѣ того старухи-сводницы, получавшія отъ него содержаніе, собирали свѣдѣнія о красивыхъ дѣвушкахъ Кашгара, и изъ нихъ ежедневно доставлялось ему до 20 дѣвицъ, изъ которыхъ онъ оставлялъ одну. Ни одной дѣвицѣ не дозволялось выходить замужъ безъ его разрѣшенія.

Отличительною чертою Якубъ-Бека была хитрость. Властвовалъ онъ въ Кашгарѣ 12 лѣтъ, не оставивъ по себѣ доброй памяти.

Во время смерти Якубъ-Бека я находился въ Кашгарѣ подъ арестомъ по распоряженію самого Якубъ-Бека, сдѣланному имъ за полгода до кончины. За что я былъ арестованъ, мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Послѣ смерти Якубъ-Бека я получилъ свободу и тотчасъ же уѣхалъ изъ Кашгара.

Меня сопровождали кокандцы въ числѣ 1000 человекъ и потомъ они поселились въ разныхъ мѣстахъ Туркестанскаго края.

Оставили Кашгаръ и кокандскіе солдаты. Хакимъ-Ханъ, аксуйскій бекъ, покинулъ Куня-Турфанъ и черезъ Нарынъ и Вѣрный пришелъ въ Ташкентъ, гдѣ былъ задержанъ русскимъ начальствомъ 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ поселился въ Ферганской области въ селеніи Шаари-ханъ, гдѣ живетъ и понынѣ, получая средства къ существованію отъ народа, какъ уважаемый потомокъ ходжей.

Бекъ-Кули-Бекъ по смерти отца оставался въ Кашгарѣ съ полгода. Онъ отправилъ было посланца въ Англію, далъ ему 30,000 тиллей на закупку оружія, но потомъ посланнаго вернулъ, отобралъ деньги и покинулъ Кашгаръ.

Послѣ я слышалъ, что китайцы, по взятіи Кашгара, достали трупъ Якубъ-Бека и сожгли его¹⁾.

1) Въ «Восточномъ Обзорѣніи» за 1884 годъ было сообщено со словъ кашгарскихъ торговцевъ и должностныхъ лицъ, что китайцы вскорѣ послѣ взятія г. Кашгара учинили судъ и надругались надъ трупомъ Якубъ-Бека. Главнокомандующій съ войсками во главѣ отправился къ могилѣ Якубъ-Бека и при стрѣльбѣ изъ ружей взялъ штурмомъ надгробный памятникъ, который китайскія войска разрушили до основанія. Затѣмъ вынули трупъ, который оказался весьма хорошо сохранившимся, посадили его, и судебный чиновникъ произвелъ допросъ, причемъ упрекалъ Якубъ-Бека въ вѣроломствѣ, неповиновеніи Сыну Неба, крамохѣ и т. п. Послѣ того палачъ отрубилъ отъ трупа голову; трупъ сожгли, а голову повѣсили на продолжительное время у главныхъ воротъ кашгарской крѣпости Енгишара.